

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: ОПЫТ ИРКУТСКОЙ ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ в 1920-е гг.

В период становления РСФСР вопрос об исправлении малолетних правонарушителей как часть вопроса о детской преступности и беспризорности выделился весьма рельефно и приобрел очень актуальное звучание. Однако наличие большого массива иных, более важных государственных проблем не позволило решить его централизованно. Органы власти были вынуждены ограничиться обозначением основных направлений исправительно-воспитательной деятельности, во многом основанном на критике дореволюционной системы воздействия на несовершеннолетних и указанием на общие основы идеологии коммунизма. В этом свете особая нагрузка легла на местные правоприменительные органы, поскольку они приобретали фактически автономный характер, получали возможность действовать относительно свободно. Такая ситуация создала благоприятные условия для творческого синтеза дореволюционных теоретических наработок, сравнительного опыта других колоний и собственных воспитательных находок. Результаты этого синтеза легли в основу советской системы воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

В этом разрезе мы намерены проанализировать те меры, которые применялись в Иркутской трудовой колонии в 1922–1923 гг. Следует упомянуть, что тогда в колонии находился 21 воспитанник в возрасте от 11 до 15 лет [5, с. 218].

Исходя из сведений, собранных Г. Г. Магульяно, представляется возможным, на основании критерия функционального назначения, разделить эти меры на четыре крупные группы:

1. Меры воспитательно-трудового воздействия.
2. Меры морально-культурного воздействия.
3. Меры дисциплинарного воздействия.
4. Институт самоуправления как специфичная мультимера и институт патроната как постисправительная мера.

Рассмотрим каждый из блоков подробнее.

Меры воспитательно-трудового воздействия. Из упомянутых в очерке Г. Г. Магульяно к ним можно отнести исполнение трудовых обязанностей (до 6–7 часов в день). Смысл этого направления деятельности колонии состоял в формировании возможности несовершеннолетнего нормально функционировать в качестве

трудового элемента в социалистическом обществе. У колонии имелись собственные огороды и оранжерея, переплетно-картонажная и слесарно-кузнечная мастерские, которые обслуживали, в том числе, и частные заказы [5, с. 217]. Прежде всего, это говорит о попытке синтеза двух видов труда: сельскохозяйственного и кустарно-производственного, что приветствовалось теорией [4, с. 282]. Также подобный подход позволяет утверждать, что администрация следовала принципу самокупаемости учреждения (путем отказа от наемной рабочей силы и зарабатывания денег за счет производительного труда воспитанников). Этот принцип нашел поддержку в деятельности иных колоний РСФСР и доказал, что не противоречит принципу приучения к труду, а напротив, создает заинтересованность в результате работы. В этой связи следует упомянуть, что фонд патроната формировался из средств колонии, что также имело стимулирующее значение. Метод приучения к труду, очевидно, описывается выражением: «Кто усердно работает, тот больше отдыхает». Практиковались точно установленные нормы объема труда, воспитанник был волен распределить свое время самостоятельно, с тем, чтобы выполнить ее целиком. Вместе с тем активно внушалась мысль о приятности добровольного исполнения нормы в кратчайший срок [5, с. 219].

Таким образом, в этом направлении мы можем отметить, во-первых, удачное сочетание экономической целесообразности и целевого назначения, во-вторых, приоритет метода пряника перед методом кнута.

При сравнении с разработанными позднее методиками трудового воспитания, следует отметить, что идея производительности труда, так или иначе, осталась в основе советской ювенально-исправительной системы (в форме выбора максимально полезного в будущем для воспитанника вида труда, в форме оплаты несовершеннолетним их труда [2, с. 246]). Любопытной особенностью является свободное распоряжение своим рабочим временем. В. И. Куфаев, анализируя опыт созданной на 6 лет позже школы-коммуны имени Ф. Э. Дзержинского за долгое время, акцентирует внимание на плане, социалистическом соревновании и стахановском движении как стимуле труда [3, с. 65, 171]. Иркутская особенность, очевидно, объясняется периодом НЭПа и общим подсобным (а не производственным) характером хозяйства колонии.

Меры морально-культурного воздействия. Данный блок мер имел своей целью формирование моральных устоев юных право-

нарушителей, поколебленных атмосферой гражданской войны. Для реализации этого направления деятельности не применялись «тенденциозно-моральные беседы». Г. Г. Магульяно рассказывает о внутреннем приказе подкармливать живущую на территории дворняжку, поскольку «любовь к животным есть зародыш благожелательного отношения к людям» [5, с. 219].

Говоря о культурной жизни колонии, следует отметить достаточно высокую степень самостоятельной организованности воспитанников. Так, не прекращал свою работу культпросвет, один из учеников, знающих живопись, получил возможность преподавать свое мастерство другим (примечательно своеобразное идеологическое воздействие – обучение завершилось написанием портретов советских деятелей) [5, с. 220]. Осуществлялось школьное обучение, практиковались экскурсии и походы в кино. Из всех упоминаемых в позднейшей литературе [2, с. 247] форм организации культурной деятельности отсутствовало только взаимодействие с общественными советскими организациями – очевидно, потому, что они еще не набрали должную силу в Иркутске начала 1920-х гг.

Таким образом, следует говорить о методе мягкого давления, с одной стороны, и о поощрении самоорганизованности, с другой.

Лучшим обеспечением дисциплины в колониях считалась доверительная атмосфера [4, с. 285], и в Иркутской колонии она существовала [5, с. 220]. Тем не менее, требовались и специальные *дисциплинарные меры*, к которым следует отнести «систему естественных последствий» и институт поручительства. Первая мера заключалась в применении естественных санкций: например, в необходимости провести воскресник для уборки не убранного вовремя помещения [5, с. 218]. Вторая – в том, что лицо должно было представить из своей среды двух товарищей, которые поручились бы за его хорошее поведение [5, с. 220].

Система «естественных санкций» не несла на себе отпечаток дисциплинарно-административного взыскания и не имела свойства неблагоприятности последствий. Скорее, это были проявляющиеся в форме своеобразной реституции должного меры морально-воспитательного характера, смысл которых состоял в привитии мысли о том, что каждую работу следует делать вовремя, потому что несделанную работу придется исполнять за счет своего личного времени. Институт поручительства в колонии не прижился. В качестве версии, объясняющей его упразднение, мы можем высказать мысль о неизбежности деления при таком под-

ходе несовершеннолетних в колонии на порученных и поручителей, что создавало ненужное расслоение и подрывало здоровую атмосферу воспитательного процесса, кроме того, неоправдание доверия поручителя могло сделать несовершеннолетнего изгоем. При оценке мер данного блока нельзя не отметить, во-первых, их акцент на коллективистский дух, а во-вторых, попытку решить смежные задачи (приучение к труду, «популяризация» идеи круговой поруки и т. п.).

Из свидетельств В. И. Куфаева следует, что институт поручительства со временем нашел широкое распространение как дисциплинарная мера [3, с. 176]. Однако в школе-коммуне поручившийся, в случае повторного нарушения подопечного, нес более строгую дисциплинарную ответственность, чем переданный на поруки. По данным Г. Г. Магульяно можно предположить, что в Иркутской трудовой колонии в аналогичном случае ответственность была скорее моральной. Кроме того, в более поздний период поручительство приобретало характер шефства, требовало от поручителя активных действий по совершенствованию подопечного. В Иркутской трудовой колонии поручительство носило скорее пассивный характер, и было больше предупредительной мерой, чем мерой ответственности. Принцип воспитательного воздействия дисциплинарных мер останется на долгое время одним из базовых принципов организации мест специального воспитания.

Теперь поговорим о двух мерах, которые имели свою специфику, и, в первую очередь, ориентировались на адаптацию воспитанника в обществе. Прежде всего, это институт патроната. Он не был урегулирован на республиканском уровне и в целом представлял собой развитие дореволюционных тенденций. Смысл этого института состоял в том, чтобы создать для воспитанника все условия для законопослушного существования вне стен колонии. В сущности, инициатива осуществления этой меры принадлежала заведующему колонией. Отчисления в фонд патроната осуществлялись из средств самой колонии, что приводило малолетних правонарушителей к мысли о вознаградимости честного труда [5, с. 221]. В более поздний период в заведениях для несовершеннолетних (например, в Моструддоме) патронат выражался также в создании особого переходного режима, содействии несовершеннолетнему при трудоустройстве [2, с. 248]. Ясно, что в самом начале 1920-х гг. такой размах был невозможен, и приходилось отмечать как позитивный факт и ограниченный

надзор за выпускниками колонии со стороны комиссии по делам несовершеннолетних.

Институт самоуправления в форме комитета воспитанников, решавшего мелкие вопросы административного и педагогического характера, существовал в колонии недолго [5, с. 220]. Очевидно, попытки его внедрения связаны со многими факторами: во-первых, с желанием администрации повысить управляемость контингентом, во-вторых, дать возможность детям адаптироваться в советском государстве, в структуре пионерских дружин и комсомольских ячеек, поскольку идея такого самоуправления, разумеется, черпала вдохновение именно оттуда. Вероятно, причины неудачи этой затеи следует искать в кратком сроке пребывания несовершеннолетних в колонии, за который сформировать более-менее стабильный орган самоуправления затруднительно, а также в относительно малом числе воспитанников, вследствие чего долговременная организованная структура становилась нерациональной. Вместе с тем в позднейшие периоды, самоуправление станет объектом пристального изучения ученых, причем значения этому институту будут придаваться разные: перевоспитание вожаков, привитие чувства ответственности и общественно-организаторских навыков [1, с. 126], повышение степени управляемости коллектива [3, с. 91]. Таким образом, мы видим интуитивные попытки нащупать новый метод воспитания, актуальный в условиях социалистического общественного устройства.

Подводя итог, мы получаем модель организации воспитательной деятельности с достаточно высоким КПД. Воспитательная эффективность тесно связывалась с экономической. Меры воздействия решали задачи социальной адаптации и трудового вовлечения несовершеннолетних правонарушителей в жизнь РСФСР. При этом практически каждая мера, помимо главной задачи, имела и второстепенную, работающую на реализацию цели другой группы мер. Оптимальное сочетание находилось экспериментальным путем. Многие методики, будучи сопоставлены с опытом других заведений аналогичного профиля, легли в основу будущих общесоюзных подходов к воспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Отдельные неудачи связаны с местными особенностями Иркутска и небольшими размерами Иркутской колонии. Некоторые меры, выработанные в период НЭПа, в позднейший период не нашли идеологической платформы и перестали практиковаться. Вместе с тем идеологический фактор сыграл и положительную роль, поскольку именно высокие требования социалистического общества определили направление творческих поисков администрации колонии.

Литература

1. Бехтерев Ю. Самоуправление как одна из форм исправительно-трудового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, лишенных свободы // Сов. право. – 1926. – № 2. – С. 121–126.
2. Жаке Г. Ф. Медико-педологическая работа в Московском Трудовом Доме для несовершеннолетних правонарушителей // Преступник и преступность : сб. статей. Вып. 2. – М., 1927. – С. 235–250.
3. Куфаев В. И. Школа-коммуна им. Ф. Э. Дзержинского (из опыта работы) / В. И. Куфаев. – М. : Учпедгиз, 1938. – 192 с.
4. Люблинский П. И. Борьба с преступность в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки / П. И. Люблинский. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 301 с.
5. Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с ней за годы революции // Сб. тр. проф. и преподавателей ИГУ, фак. обществ. наук. Вып. 6. – Иркутск, 1923. – С. 167–221.

ТОЛКАЦКИЙ А. Н.

Сибирский федеральный университет

ФЕНОМЕН РУРБАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Рурбанизация – распространение городских форм и условий жизни на сельские поселения, составная часть процесса урбанизации в его широком понимании. Рурбанизация может сопровождаться миграцией городского населения в сельские поселения, переносом в сельскую местность форм хозяйственной деятельности, характерных для городов. Этот термин впервые появился в индийской научной литературе [10, с. 96]. Затем он активно использовался английскими и американскими учеными и обозначал один из переходных процессов в урбанизации регионов. В настоящее время существует большое количество спорных вопросов вокруг определения данного феномена.

В российской историографии этот термин долгое время не использовался и начал применяться только в начале 90-х гг., поэтому спорным является даже его значение. Например, Б. Н. Миронов наряду с термином «рурбанизация» употребляет еще другой – «окрестьянивание», фактически делая их синонимами [8, с. 112]. В. Изотов, Т. Нефедова, П. Поляна описывают данное понятие в контексте урбанизации регионов, используя методы европейских ученых [9, с. 37–43].

Советская рурбанизация имела ряд отличительных признаков: города строились и развивались под контролем власти. Гра-